

Символ как средство ориентировки в личностных задачах: персонологическая перспектива

А.С. Белорусец

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1326-4315>, e-mail: arsenny@mail.ru

Роли символа в культуре посвящено множество работ. В настоящей статье мы хотели бы рассмотреть символ в персонологической перспективе — как средство ориентировки в задачах развития личности, которое широко используется в практике психотерапии и психологического консультирования. Работа с символами рефлексирована в психоанализе, однако в нем рассматриваются методы, основанные, в первую очередь, на интерпретации символов. Эти методы базируются на понимании символа как особой семиотической единицы: знака с необычными отношениями между означающим и означаемым. Такая трактовка символа возможна и по-своему продуктивна, однако мы хотели бы рассмотреть модель работы с символом, основанную на ином понимании его функции. С нашей точки зрения, символ не означает, а воплощает определенное содержание. Известные нам модели символического опосредствования ориентировочной деятельности неизменно описывают результат этого процесса как переход к знаковой фиксации определенности — объяснению некоторой феноменологии. Нам же представляется, что, будучи специально организованной, ориентировочная деятельность, опосредствованная символом, может иметь результатом не фиксацию определенности, а переживание причастности миру, понимание «связующего паттерна», ощущение «презюмции решаемости» жизненной задачи. Такое переживание-установка (как интеллектуально-аффективное образование) оказывается более надежным основанием для выстраивания клиентом собственной жизни, чем чистая мысль, содержащая объяснение.

Ключевые слова: культурно-историческая теория, персонология, символ, метафора, знаково-символическое опосредствование, опосредование, медиация, semiotic mediation, семиотика Я, ландшафтная аналитика, культурно-историческая психотерапия, поэзис, задача развития, психологическое путешествие, психотерапия вне кабинета.

Благодарности: Автор благодарит В.А. Петровского за ценные замечания и мудрые советы, а также А.М. Айламазян и участников семинара «Психология и практика искусства» — пространства, в котором в диалоге рождались многие мысли, вошедшие в статью.

Для цитаты: Белорусец А.С. Символ как средство ориентировки в личностных задачах: персонологическая перспектива // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 1. С. 78–87. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160108>

Symbol as a Personal Orienting Means for Solving Developmental Tasks: A Personological Perspective

A.S. Belorusetz

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1326-4315>, e-mail: arsenny@mail.ru

The role of symbol in culture is in the focus of many works. In this paper, we aim to look at symbol from a personological perspective, that is, to consider it as a means of orientation in the tasks of personality development that is widely used in counseling and psychotherapy. Working with symbols is reflected in psychoanalysis, but it employs methods that are mostly based on interpreting symbols. These methods are founded on the understanding of symbol as a special semiotic unit: a sign with an unusual correlation between the signifier

and the signified. Such interpretation is by all means possible and, in a way, productive, however, we would like to explore the model of working with symbol that is based on another understanding of its function. From our perspective, symbol is not the meaning of certain content, but its embodiment. The models of symbolic mediation of orienting activity that we are familiar with tend to describe the outcome of this process as a transition to the fixation of certainty in sign, that is, to the explanation of certain phenomenology. We, on the contrary, suppose that orienting activity, being a specially organised one and mediated by symbol, may result not so much in the fixation of certainty as in the emotional experience of belonging to the world, of comprehending the 'binding pattern', the feeling of 'presumption of solution' of life task. Such emotional experience/attitude (as both intellectual and affective formation) turns out to be more reliable as a foundation for reconstructing one's life in the process of psychotherapy than pure thought containing an explanation.

Keywords: cultural-historical theory, personology, symbol, metaphor, semiotic mediation, semiotics of self, landscape analytics, cultural-historical psychotherapy, poesis, developmental task, psychological journey, outdoors psychotherapy.

Acknowledgements: The author would like to thank V.A. Petrovsky for his wise advice. I am also grateful to A.M. Aylamazyan and all of the participants of the seminar on the Psychology and Practice of Art, where a number of theses presented in the paper were born in the discussion.

For citation: Belorusets A.S. Symbol as an Orienting Means for Solving Developmental Tasks: A Personological Perspective. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2020. Vol. 16, no. 1, pp. 78–87. (In Russ., abstr. in Engl.). DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160108>

Культурно-историческая психология зиждется на понятии «знаково-символического опосредствования». Однако, используя терминологический аппарат Л.С. Выготского, само это понятие вернее было бы считать комплексом. Знак и символ в нем объединяются дефисом, как если бы это были две рядоположенные семиотические единицы. Однако, будь они рядоположенными, не было бы и необходимости одновременного употребления обоих слов, достаточно было бы использовать общее родовое понятие¹. Любопытно, что именно это и было сделано при переводе термина на английский язык. В зарубежной литературе прижился термин *Semiotic Mediation* [см, например: 23], по-своему интересный, но едва ли могущий притязать на то, чтобы считаться точным переводом: в нем потерялось не только «знаково-символическое», но и «опо-средствование».

Примечательно, что Л.С. Выготский в своих записных книжках намечал задачу сравнительного анализа различных форм опосредствования (выделяемых через качественную характеристику стимул-средства): «Когда мы стояли на границе — натуральных и опосредствованных процессов — мы работали методикой двойной стимуляции. Когда нас стало интересовать движение внутри развития опосредствованных процессов, — мы переходим к семическому анализу. ... Тогда нас интересовало: что общего между узелком и логической памятью (описывали развитие с формальной, с внешней стороны, со стороны эффекта). Сейчас нас интересует: что различного между узелком и логической памятью» [20, с. 315].

Как было показано в работах Л.С. Выготского [8] и особенно П.Я. Гальперина [10], использование орудия приводит к качественной перестройке операции: опе-

рация начинает осуществляться в логике орудия (а логика оперирования знаком и символом, очевидно, не тождественна). Это обстоятельство, с нашей точки зрения, позволяет обосновать особую специфически психологическую программу исследований, направленную на реконструкцию отдельно знаковой операции в ее взаимообусловленности структурой и прагматикой знака и символической операции в ее взаимообусловленности структурой и прагматикой символа.

В данной работе мы строим модель символического опосредствования ориентировки личности в задачах развития и иллюстрируем ее наблюдениями из нашей психотерапевтической практики, осуществляемой в рамках метода Ландшафтной аналитики. Параллельно с построением модели мы эксплицируем некоторые основания этого метода, показывая буквально, что происходит в рамках сессии, а вернее, как происходящее может быть концептуализировано. Эта модель и эта концептуализация не претендуют на то, чтобы вытеснить другие, но призваны их дополнить. Современная российская психотерапия глубоко эклектична (в данном случае мы не имеем в виду никаких негативных коннотаций). Совершая те или иные поступки, выбирая те или иные слова, терапевт может исходить из нескольких моделей одновременно, одна и та же сессия может быть вписана в модели различных подходов, и в каком-то смысле можно говорить о том, что чем на большее количество таких моделей «ложится» феноменология сессии, тем виртуознее работа психотерапевта. Мы полагаем, что в ряду этих подходов есть место и для различных версий культурно-исторической психотерапии, феноменологический материал одной из которых и послужит нам в качестве иллюстрации.

¹ Предлагая значительно расширить круг опосредствующих, В.П. Зинченко вводит понятие «медиатора» как родовое, однако оно оказывается слишком неспецифическим.

Категория опосредствования — использования чего-либо в качестве средства-медиатора — с необходимостью требует введения категории задачи. Без нее трудно себе представить анализ любой деятельности, но в данной работе мы говорим не столько о когнитивной, сколько о личностной задаче, «задаче развития», используем этот термин, предложенный изначально в психологии развития, в контексте психотерапии. Рассматривая роль средства в решении задачи, мы расширяем контекст: средство оказывается востребованным не только для самого ее решения — нахождения и формулирования принципа, «функционального решения», но и для некоторых мета-действий, среди которых: акт формулирования/усмотрения задачи; акт постановки себя в определенные отношения с задачей, а самой задачи — в ряд других задач; коммуникация по поводу задачи и др.

Ландшафтная аналитика — авторский метод групповой психотерапии, предложенный С.В. Березиным и Д.С. Исаевым [3]. Сессия проходит в форме организованного путешествия группы по природному ландшафту. В ходе путешествия участники сталкиваются с так называемыми ландшафтными объектами (перевал, луг, болото, вершина горы, дорога, лесная чаща, подземелье, поляна, родник, плотина и т. п.), образы которых, как предполагается, становятся символическими или метафорическими² средствами, помогающими участникам сориентироваться в тех проблемах, которые они хотели бы разрешить. Транслируемая ведущими *аналитическая установка* — стремление, основываясь на видимых проявлениях (речь о том, что бросается в глаза в особенностях поведения участников в группе и во взаимодействии с ландшафтом), воссоздать и сделать явными скрытые особенности самих участников, их группового взаимодействия, да и жизни вообще, побуждает участников рассматривать весь опыт путешествия как символический.

Путешествие состоит из движения по специально организованному маршруту, выполнения отдельных групповых и индивидуальных упражнений, направленных на интенсификацию и деавтоматизацию восприятия ландшафтных объектов, а также остановок, на которых происходит собственно психотерапевтическая работа в привычном понимании этих слов: участники могут совершить рефлексивный поворот и поделиться своими переживаниями.

Одной из первых точек рефлексии становится необходимость сформулировать и озвучить клиентский запрос, т. е. фактически сформулировать задачу, которую участник намеревается решить и ради

решения которой он участвует во всем предприятии. Уже на этом этапе участники получают возможность *опоры на символ как на средство ориентировочной деятельности*. Это легко проиллюстрировать на примере маршрута Ландшафтной аналитики, проходящего по Самарской луке³. Он стартует от развалин здания, в котором некогда располагалась администрация отдельного лагерного пункта, а затем областная психоневрологическая больница. «У стен этого здания участники ландшафтной аналитики собираются на первую терапевтическую сессию, знакомятся, обсуждают индивидуальные цели и задачи. После этого каждый отвечает на вопрос: «Какое свое безумие он привез из города, чем, по его мнению, он отличается от других?» [3, с. 51].

Этот вопрос выступает в качестве средства ориентировочной деятельности участников, и это средство, безусловно, носит символический или метафорический характер: слово «безумие» используется в *переносном значении*⁴. Говоря о своем сумасшествии, участники, конечно, не имеют в виду нозологическую квалификацию собственных психических страданий. Более того, подразумевается, что большинство участников психически здоровы. Такой игровой формат запроса работает как своего рода разрешение (термин из традиции транзактного анализа) свободно говорить о себе и своих особенностях, т. е. делать то, что не принято или трудно в «обычной» жизни.

Использование переносного значения — этот простейший прием (троп) оказывается и для ведущих средством решения сразу множества задач на старте групповой работы. Предложение рассказать о своем «сумасшествии» одновременно:

- ставит всех в равные условия, так что «не зазорно» признаваться в своей инакости;
- провоцирует участников на выделение не просто частной проблемы, а основного «синдрома»;
- намекает на некоторую нездоровость того, о чем речь, и в этом смысле инициирует отделение человека от проблемы и его конфронтацию с выделенным нездоровьем;
- маркирует готовность сойти с [привычных дорожек] ума на нетереные тропинки нового опыта;
- изначально манифестирует экзистенциальную оппозицию «уникальное—всеобщее».

Список можно продолжить.

Для участников же слово в переносном значении и образ развалин больницы становятся средствами решения сложнейшей метазадачи: формулирования психотерапевтического запроса, т. е. определения той задачи, которую им необходимо будет решить в дальнейшем. Значение этого первого этапа поистине

² Что такое метафора, если не символ, взятый в качестве средства понимания?

³ Насколько нам известно, в настоящее время сессии Ландшафтной аналитики проводятся в Самаре (ведущие: С. Березин, Д. Исаев, А. Титенков, Л. Иванова), Москве (ведущие: А. Белорусец, Ю. Конопельцева) и Израиле (ведущие: Д. Исаев, А. Борода); используются различные маршруты и разные объекты, но принципы психотерапевтической работы остаются общими.

⁴ Важно не путать переносное и не точное значение. Переносное значение как раз оказывается весьма точным, выхватывая те аспекты проблемы, которые без него не видны. «Метафора направляет взгляд и организует его: в предмете, который так описывается, выступает на первый план и может быть увидено то, что его роднит с предметом-источником метафоры. Дело тут в интеллектуальной «оптике» времени, которая делает людей восприимчивыми к одним аспектам изучаемых явлений и, наоборот, нечувствительными к другим» [13, с. 96].

трудно переоценить. «В жизни главное: составить задачу, найти данные, выбросить лишние, создать условия задачи, сформулировать вопрос etc.», — пишет Л.С. Выготский в своей записной книжке в 1932 г. и продолжает: «В жизни никогда не даны готовые задачи. В арифметике — наоборот, все дано в готовом виде. Такое решение задач в этом виде абсолютно не требует ума, ибо ход решения идет с необходимостью автоматически» [20, с. 351].

Безусловно, формулирование запроса может быть и «абы каким». Цель его тогда — хоть как-то зафиксировать стартовую диспозицию, чтобы потом оттолкнуться от нее и многократно уточнять. Именно так зачастую идет развитие контракта в кабинетной психотерапии, на старте которой часто ни терапевт, ни клиент не знакомы в достаточной степени с истинным содержанием проблемы и просто не могут начать с того, чтобы точно ее назвать. Но в ЛА дело обстоит иначе: символическое средство открывает возможность с самого начала попасть в цель. Действительно, при том, что участник всегда вправе изменить или уточнить свой запрос, как правило, этого не происходит. Скорее, наоборот, в ходе ландшафтно-аналитической работы участник открывает новые грани и смыслы уже сформулированного запроса и убеждается в том, что он был сформулирован им потрясающе точно.

Сам процесс формулирования запроса может быть интерпретирован двояко. Как постановка участником задачи для себя (эдакий волюнтаристский акт) или же — как ее усмотрение⁵ (в этом случае участник не столько ставит, сколько эксплицирует задачу, заключенную подобно «задаче развития» в значимых для субъекта отношениях). Нам представляется, что в ЛА происходит второе, а средством такого усмотрения, психологическим микроскопом или, вернее, «телескопом» (М. Пруст) оказывается *символ*.

П.Я. Гальперин выделял ситуации, где без психики можно обойтись, и ситуации, где психика действительно нужна⁶. В частности, к ним относятся такие, которые требуют осуществления точного действия с первой попытки. В них «... поведение не может быть успешным без регуляции действия на основе его примеривания в поле вещей, которое открывается в плане образа» [9, с. 118]. В ярком примере Петр Яковлевич Гальперин описывает молодого медведя, который тренирует глазомер и зрительно-моторную координацию, необходимую для того, чтобы суметь безошибочно настичнуть нерпу. Задача участников ЛА, сидящих у развалин «сумасшедшего дома», сложнее: им нужно сформулировать, назвать то, чего не видно глазом, ухватить не юркую нерпу, а «задачу развития»⁷. ***Сделать им это точно и с первого раза помогает ориентировка в плане образа, соответствующего их цели не буквально, а в переносном смысле.***

Аналогия и метафора — приемы, которые помогают не только сформулировать задачу (запрос), но и адекватно рассказать о ней окружающим. Плодотворность такого приема в ситуации затрудненной коммуникации (когда участники коммуникации или хотя бы один из них недостаточно хорошо представляет себе предмет беседы, он табуирован или еще каким-то образом отделен от субъектов) кажется самоочевидной, однако существуют и строгие эмпирические исследования, ее подтверждающие, например, на материале эффективности коммуникаций медицинского персонала с пациентами по поводу их болезни [21].

Найденная при формулировании задачи аналогия вселяет в участников ощущение презумпции существования решения — уверенности, что решение задачи существует, даже если фактически оно пока не найдено [17].

Использование метафорических моделей позволяет структурировать материал и дает возможность развернуться ориентировочной деятельности в ситуации неопределенности, т. е. невозможности ориентироваться непосредственно в поле решаемой задачи. «В целом ряде случаев применение символа оказывается единственно возможным способом разрешения ситуации неопределенности, ситуации, в которой субъект либо не знает адекватного способа действия, либо не может по каким-то причинам актуализировать его» [6, с. 55]. А.Н. Веракса [5, с. 77] дает пример из области формирования двигательного навыка при обучении спортсменов. Было показано, что среди начинающих игроков в настольный теннис более успешно с трудными задачами (отбивать шарики в тот или иной квадрат стола, анализируя сложный комплекс варьируемых экспериментатором признаков) справились те, кого обучали держать ракетку, опираясь на образ («перемещайте ракетку так, будто она поднимается по склону горы»), а не на строгий набор правил («следите за тем, чтобы внутренняя поверхность ракетки и поверхность стола создавали острый угол»). Таким образом, метафора и аналогия помогают преодолеть ситуацию неопределенности и отсутствия каких-либо опор, хоть как-то выхватить, апперципировать, сформулировать проблему. На эту функцию метафоры применительно к практике психотерапии-консультирования обращают внимание Д.Э. Волкова, А.Б. Орлов и Н.А. Орлова, отмечая, что метафора позволяет «... работать со своим опытом, чувствуя “реальность, твердость, незыбкость почвы под ногами»», становится тем, «... от чего можно оттолкнуться, чтобы продолжить дальнейшее движение» [7, с. 114].

Неплохо было бы зафиксировать это описанное выше функциональное свойство, дав ему имя, тем более что разные авторы нарекают его по-разному. Так, Д.Э. Волкова, А.Б. Орлов и Н.А. Орлова вводят

⁵ Вероятно, такое усмотрение сродни дильтеевскому «пониманию».

⁶ Нельзя не отметить сходство траектории мысли П.Я. Гальперина со словами Л.С. Выготского, приведенными выше.

⁷ Термин появился в психологии развития [22], но в полной мере может быть присвоен консультативной психологией.

термин «метафорическое выражение внутренних содержаний», отделяя его от знакового и символического. А.Н. Веракса же говорит о «познавательной функции» символического опосредствования (что, на наш взгляд, слишком общо). Ж. Пиаже ту же функцию именуется ассимилирующей (впрочем, он не разделяет здесь символ и знак). Нам представляется более точным термин **апперципирующая (по цели) или аппроксимирующая (по механизму) функция метафоры (или символа)**, так как, на наш взгляд, происходит именно аппроксимация — уподобление неопределенного содержания компактно сформулированной модели, позволяющее начать оперировать этим содержанием по законам модели. Для иллюстрации мы проводим параллель с методами визуализации и снижения размерности данных, такими, например, как факторный анализ или «лица Чернова», которые делают данные удобоваримыми для интерпретации и анализа.

Итак, символ или метафора могут выступать как средство приближенного определения задачи, но это — только стартовая точка процесса ориентировки. Что же происходит после того, как запущен процесс ориентировки с опорой на внешнюю оболочку символа — доступный для изучения объект, которому уподобляется неопределенное содержание? Показательно, что А.Н. Веракса, исследующий познавательное развитие младших школьников, и Д.Э. Волкова с коллегами, изучающие психотерапию-консультирование взрослых людей, указывают на разное возможное продолжение этой деятельности.

Траектория, описываемая А.Н. Вераксой, достаточно проста: «... анализ внешней предметности символа позволяет перейти к объективным отношениям, характеризующим скрытую предметность» [6, с. 55], после чего «... анализируя оболочку символа, субъект раскрывает его смысл, заключающийся в структуре отношений между элементами символа. Такая структура, будучи найдена, далее может быть перекодирована субъектом в структуру отношений между значениями исходной ситуации, что приводит к ее разрешению» [5, с. 77]. В этот момент символическое опосредствование уступает место знаковому: субъект строит своего рода **пропорцию**, определяя неизвестное, основываясь на предположении о равенстве отношений известных⁸. Продукт такой работы — однозначная модель реальности, а вернее, отдельные дискретные ее следствия-гипотезы, адекватность которых может быть проверена: верифицирована или фальсифицирована.

Ситуация неопределенности сменяется определенностью или даже определенностью (такую трактовку этого термина извлекает из немецкой философии В.А. Петровский [16]), наложением предела, связанного с однозначной интерпретацией, присущей знаку. А.Н. Веракса выделяет две формы сим-

волического опосредствования: продуктивную и непродуктивную. «Продуктивное символическое опосредствование отражает объективные отношения ситуации, а непродуктивное — отношение субъекта к ситуации неопределенности» [4, с. 6]. Причем только продуктивное отражение позволяет совершить переход к отражению ситуации в форме значений (знаковому опосредствования). Взгляд А.Н. Вераксы отражает идеалы классической рациональности, стремящейся вынести субъективное (а с ним и личностное) отношение за скобки и представить продуктом познания некоторые однозначно сформулированные и доступные для проверки «протокольные предложения». Оставляя в стороне правомерность такого подхода применительно к проблематике когнитивных задач, заметим, что в сфере личностных задач он совершенно точно оказывается недостаточным. Смысл (то самое отношение субъекта к ситуации неопределенности) здесь не менее важен.

Траектория, о которой говорят Д.Э. Волкова, А.Б. Орлов и Н.А. Орлова, сложнее. Они разделяют метафоризацию и символизацию (хотя и отмечают, что грань между ними весьма зыбка). «Метафоризация способствует прояснению опыта клиента, лучшему пониманию им самого себя: своих потребностей, установок, чувств, а также установлению, налаживанию внутренней коммуникации, интрапсихического диалога со своими внутренними содержаниями. (Выше мы обозначили эту функцию как апперципирующую — А.Б.) При этом появление символического образа (в отличие от метафорического) знаменует собой еще более коренные преобразования, изменение самого “гештальта” смысловой сферы личности» [7, с. 112]. Существенным отличием такой символизации является то, что в ней происходит «выход» за пределы существующей установки или «функциональной фиксированности» в терминах К. Дункера [см. об этой динамике: 1], причем он происходит резко, а новая тема, на первый взгляд, кажется не связанной с прежней, но на самом деле, конечно, имеет с ней что-то общее.

Аппроксимация или метафоризация позволяет отнести скрытое содержание (проблему) с явленной моделью на основании какого-то **тривиального** признака; но разворачивающаяся ориентировка с опорой на выбранную символическую модель открывает для **субъекта качественно новое объяснение этой связи**, какой-то менее очевидный (до этого момента), но более сильный, сущностный, признак сходства. Так метафора «серебро волос» применительно к седине возникает как банальная цветовая ассоциация, но может быть раскрыта как проявление ценностного отношения к богатству жизненного опыта пожилого человека. Правомерно говорить, что на этапе апперцепции символ появляется, но остается неузнанным, в то время как перестройка «гештальта» позволяет

⁸ Запись становящихся идей в форме пропорции часто встречаем в записных книжках Л.С. Выготского, например, «Contra: М[ышление]: Р[ечь] = структура атома : спектральный анализ» [20, с. 297] или «волевое действие / автоматизм тревожного действия = интеллектуальная операция / интеллектуальный навык» [20, с. 351].

узнать и осознать закон, формирующий данный символ, т. е. понять его, раскрыть смысл.

Здесь же может происходить и уточнение модели или переход к новому, более точному символу, подобранному через этот новый сильный признак. Нам представляется, что это резкое усиление и уточнение связи скрытого содержания и его символического корреспондента точнее всего можно назвать термином «**резонанс**», заимствованным у М. Пруста и М.К. Мамардашвили [см.: 14, лекции 17–18]. Резонанс может возникнуть и произвольно/последовательно, без предшествующей ему метафорической аппроксимации, и именно о такой ситуации говорит Пруст/Мамардашвили, используя категорию «**впечатление**»: когда резонанс возникает как бы сам собой при встрече с новым событием (предметом) или когда события достаточно длинного романа начинают восприниматься в связи друг с другом «не по хронологии, а по резонансу». В произвольной символизации он также возникает как бы сам собой и, конечно, может и не возникнуть вовсе: можно создать условия, повышающие вероятность его возникновения, но гарантировать его невозможно.

Описанная динамика напоминает **бисоциацию (двойную ассоциацию)** А. Кестлера [23], которая выполняет работу, обратную работе фрейдовского **смещения** [19] [более подробно о связи этих двух концепций см.: 18]. Если последнее предполагает представление в сновидении центральных элементов малозначительными и замену скрытых элементов отдаленными намеками на них, то бисоциация позволяет раскрыть эту подмену. Итогом такой работы становится «изменение гештальта», т. е. не просто выявление новых параллелей между символической моделью и скрытым содержанием, но понимание того, **какие из них являются существенными**. «Изменения гештальта» могут оказаться настолько существенными, что даже изначальная проблемная ситуация потеряет свою значимость и станет рассматриваться субъектом лишь как один из симптомов, в котором проявился выявленный принцип. Вот как это может быть проиллюстрировано на примере случая клиентки К. Роджерса: «Понимание двух связанных между собой проблем (старение и боязнь вступать в брак) становится не просто более отчетливым (этот этап уже пройден), а переходит на иной уровень. Джен начинает осознавать, что страшны не сами эти события, не брак как социальный институт, не старение как естественный процесс, а те изменения в ней самой, которые влекут за собой потерю контакта со своей сокровенной частью» [7, с. 115]. Таков итог траектории, описанной Д.Э. Волковой и Орловыми.

В отличие от траектории, описанной А.Н. Вераксой, здесь предполагается некоторая более насыщенная работа по соотносению явного и скрытого содержания символа; т. е. проверка происходит несколько раньше, ей подвергаются не фиксированные в знаках выводы из модели, но уже сама конструируемая модель. Продуктом такой ориентировки оказывается не отдельное логическое следствие из модели, но **отдельный принцип, положенный в основание моде-**

ли. Однако и в этом случае можно говорить об интерпретации, т. е. фиксации символа строго в одном из его возможных значений, ведь найденный принцип может быть однозначно сформулирован и назван. Таким образом, как в траектории символического опосредствования, описанной А. Вераксой, так и в траектории, описанной Д.Э. Волковой и Орловыми, финальная стадия оказывается одной и той же: живой многозначный символ — соощение смыслов — переводится в однозначный знак и лишается собственной ценности, ему остается лишь **указывать на что-то важное, но не быть/действовать**.

Возможным объяснением этого стремления свети символ к знаку может быть рациональная установка ученого, но нам представляется, что в большей степени это стремление обусловлено потребностью в экономии когнитивного ресурса в практической работе. Многозначность символа и необходимость постоянного сличения скрытого и явного его полюсов предъявляют повышенные требования к вниманию клиента и терапевта/консультанта, а значит, требуются особые средства его организации, которые нужно специально конструировать, что может вызвать затруднения при работе в кабинете, протекающей, в основном, в словесной форме.

В Ландшафтной аналитике одним из таких средств выступают наглядно-образная или даже наглядно-действенная форма взаимодействия с явленной частью символа и его место в деятельности участников. Возвращаясь к нашему примеру, отметим, что в ходе формулирования запроса объект—символ актуально представлен в поле восприятия участников. «Само место, этот уникальный ландшафтный объект, символизирующий присутствие безумия посреди, “внутри” природного великолепия, служит хорошим помощником в актуализации эмоций, мыслей и ощущений, связанных с привезенными из города пограничными расстройствами» [3, с. 51]. Подчеркнем, что ландшафтно-аналитическая ситуация психотерапии вне кабинета позволяет встретиться с максимально богатой чувственной тканью ландшафтного объекта, который представлен не только визуально, но и тактильно, аудиально, ольфакторно и т. д. Более того, на протяжении основной части маршрута участники Ландшафтной аналитики вынуждены не просто «анализировать внешнюю оболочку символа», но буквально **двигаться** в ней (физически двигаться по ландшафту, который и выступает явной частью символа). В этой ситуации любое отвлечение чревато «ошибочными действиями»: отвлекшись, участник тотчас оступается, подворачивает ногу, получает веткой по голове и т. п., внимание вновь возвращается к ландшафту и больше его не покидает.

Именно движение позволяет примериться к реальности и осуществить «**сенсорные коррекции**» (Н.А. Бернштейн), что делает процесс постижения символа более точным. Конечно, «примериваться» и сличать территорию с картой (воспользуемся этой принятой в психотерапии метафорой) можно и в идеальном плане, но это сложнее, особенно если речь идет о значимой для субъекта теме. Велик риск, что

в дело ориентировки будут вмешиваться механизмы психологической защиты личности, так или иначе вмешивающиеся в формирование образа символа. Физическое же движение, наглядно-действенное оперирование с явленной частью символа предполагает более внятную обратную связь, которую трудно бывает не заметить, хотя и здесь, конечно, механизмы защиты могут оказаться сильнее...

Так или иначе, деятельное сличение скрытой и явной частей символа позволяет не только удерживать внимание на нем с тем, чтобы сформулировать с его помощью задачу и найти ее функциональное решение, но и пережить собственную причастность к построенной модели и найденному принципу. Если до сих пор мы говорили о «резонансе» между наглядной и скрытой частью символа, то сейчас самое время отметить, что в этот «резонанс» вовлекается и сама личность участника, а точнее, в какой-то момент участник обнаруживает, что этот резонанс не есть пассивное явление («это вовсе не ассоциации», — сказал бы М.К. Мамардашвили), но продукт его собственной личностной работы. Этот резонанс и этот символ сначала возникли, а потом обрели статус закономерности усилиями самого субъекта⁹.

Если так, то и увиденный за «резонансом» принцип, открывается для субъекта не как безличный, но как имеющий отношение к его *личной мифологии или жизненной задаче*, а в найденной модели проступает уникальное и не сводимое к референту Я-бытие. Позицию личности в этом случае можно обозначить словами М.К. Мамардашвили: «... этот ящик резонанса есть зеркало, которое поставлено перед жизненным путем, зеркало, по отражениям в котором исправляется путь, или, что то же самое, — из этого пути высвобождаются действительные смыслы, то, что было на самом деле» [14, с. 452]. Созидаемый символ-принцип в данном случае — не указание на «правильный жизненный путь», но то, что деятельно исправляет сам этот путь, делает его осмысленным. Личность сама для себя открывает этот принцип, но она и конституируется именно этим принципом. Таким образом, начав с поиска путей решения конкретных жизненных проблем, участник, последовательно переструктурируя свое виденье ситуации, приходит к встрече с собственным Я¹⁰. Причем он сталкивается не только и не столько с аналитической реконструкцией Я, но с проживанием и конструированием Я-бытия в мире.

Принцип, положенный в основание символа, оказывается многозначным и обретающим свое бытие в широком круге явлений, относящихся как к субъекту, так и к его миру. В этом смысле найденный принцип может быть рассмотрен (или, точнее,

прочувствован) как «*связующий паттерн*», по Г. Бейтсону [2], т. е. такой, который пронизывает не только индивидуальное бытие конкретного человека, но и весь мир вокруг¹¹, является своего рода *личным мировым законом*. В этом случае еще более бессмысленной становится идея интерпретации (или какого-то другого варианта прагматического использования) этого символического паттерна, так как этот паттерн оказывается абсолютным, и единственное, что можно с ним «сделать», это пережить свою связь с ним и причастность ему. Если траектория, описываемая Д.Э. Волковой и Орловыми со ссылкой на Роджерса заканчивается тем, что «Джен начинает осознавать, что страшны не сами эти события, не брак как социальный институт, не старение как естественный процесс, а те изменения в ней самой, которые влекут за собой потерю контакта со своей сокровенной частью», то в случае ландшафтной аналитики эта мысль сливается в едином аккорде переживания с образами метаморфозы, повстречавшимися на пути — самостоятельно замеченными гусеницами, бабочками, головастиками и лягушками. Этот аккорд построен на принципе метаморфозы, но ценной находкой становится не столько рефлексия этого принципа (в ней не было бы никакого открытия), а возможность деятельно и эмпатично проследить разнообразные вариации его реализации, пережить их.

Сформулированный в начале пути запрос в этом случае обретает новое понимание. Он становится не столько причиной, сколько поводом для психотерапевтического путешествия, и то, найдет ли он прямой ответ, теряет всякую значимость. Именно в этом осознании своего запроса как частичного, но открывшего путь к пониманию и переживанию более общей модели состоит психотерапевтический эффект. На практике он может выглядеть, например, так: осознавший свою проблему, скажем, связанную с каким-то болезненным способом поведения, как только одну из форм проявления личного мирового закона, участник может отказаться от этого поведения, понимая, что это не поставит под угрозу весь его мир. Личный мировой закон (часто переживаемый как ценность) продолжит существовать и воспроизводить себя во множестве других (менее болезненных) проявлений-вариаций. Таков эффект, направленный на изменение нежелательных форм поведения, но наиболее интересным является не то, как купируются нежелательные формы, а то, что дает основу для появления новых свободных его форм.

Переживание (переживание-деятельность) причастности личному мировому закону становится дей-

⁹ Здесь уместно сказать о распространенном понимании символа как такой коллекции подобию, которая собирается и наполняется смыслом усилиями и активностью самого человека: символ — это путь, который открывается идущему, но это и путь, который открывает (=выбирает) сам идущий.

¹⁰ Мы понимаем здесь Я, вслед за В.А. Петровским, как самосозидающий и самополагающий артефакт [15].

¹¹ Речь, конечно, про то, что найденный принцип пронизывает все в образе мира конкретной личности участника, однако такое понимание не является солипсистским, так как образ мира строится в активном сличении с образами, принадлежащими другим, и деятельном примеривании к реалиям мира.

ственной основой¹² личности и ее *свободы*. В нашем понимании, переживание причастности связующему паттерну (Г. Бейтсон) или закону (М.К. Мамардашвили) есть то же самое, что осознание необходимости (Б. Спиноза). Осознанная необходимость — познанный, а точнее, понятый (в дильтеевском смысле) закон — ложится в основание поступка (или подвига). Слово «подвиг» уместно здесь потому, что зачастую речь идет о моральном законе, а не о законе в детерминистском понимании: законе, который предписывает совершить определенный поступок именно затем, что без этого поступка чего-то НЕ произойдет, а если его не произойдет, то закон будет опровергнут. (В модельном примере, заимствованном у Роджерса, это могло бы выглядеть как преодоление страха перед изменениями, без которого не произойдет той самой метаморфозы). Подвиг в данном случае оказывается буквальной по-движкой, смещением баланса сил в жизненном неравенстве. Если по умолчанию должен был бы перевесить страх, теперь перевешивают изменения, но лишь потому, что личность поддерживает их, принимает в качестве необходимых для себя. Сказанное может быть проиллюстрировано метафорой чашечных весов: допустим, правая чашка перевешивает, но рука экспериментатора проявляет активность и давит на левую чашку: баланс сил смещается.

Символ, будучи орудием выявления всеобщего [12], тем не менее, не структурирует выявленное в форме дескриптивного знания: можно говорить о понимании, но не об абстрактном описании закона как математической формулы. Но с чем же уходит участник Ландшафтной аналитики, если формулирования закона не происходит? Какая именно часть действия формируется в ходе символического опосредствования (традиционно выделяют ориентировочную и исполнительную части)? Нам представляется, что формируемая часть может быть соотнесена с *установкой* (set), преднастройкой, преадаптацией к действию. Сталкиваясь в последовательности элементов символического ряда с одним и тем же законом в

различных вариациях, участник обретает готовность продолжить этот ряд, действуя в рамках достаточно широкого репертуара, но в соответствии с этим законом. Начав с сумасшествия — схождения с дорожки ума в мир нового опыта, — участник ЛА обнаруживает, что к концу сессии им уже протоптана новая дорожка.

Куда он по ней придет?

* * *

Итак, мы описали некоторый цикл символической ориентировки в задачах развития, процесс которой может носить более поверхностный или глубокий характер, в зависимости от характера решаемой задачи, используемых средств и способности личности длить свое движение в теле символа без его знаковой фиксации и в соответствии с этим приводить к разным результатам. Самым первым результатом является возможность апперципировать неопределенное содержание через аппроксимацию его с помощью метафоры или, применительно к ситуации психотерапии, возможность сформулировать задачу для работы, а также принять то, что она имеет решение. Вторым результатом является возможность увидеть в этом содержании существенные свойства или найти функциональное решение задачи. Третьим результатом является способность заметить те же свойства в другом жизненном материале и, основываясь на их выделении, «свести решение новой задачи к предыдущему», увидеть задачу в ряду ей подобных. Четвертым и наиболее интересным для нас результатом ориентировки, основанной на символе, является усмотрение тотального характера найденных закономерностей, переход к осознанию их как цепочки манифестаций универсального закона мира личности, появление чувства причастности этому закону и последующий пересмотр отношения к проблеме и нахождение оснований для совершения свободных поступков.

Литература

1. Асмолов А.Г., Петровский В.А. О динамическом подходе к психологическому анализу деятельности // Вопросы психологии. 1987. № 1. С. 70–80.

References

1. Asmolov A.G., Petrovskii V.A. O dinamicheskom podkhode k psikhologicheskomu analizu deyatel'nosti [Dynamical Approach to Psychological Analysis of Activity].

¹² Нельзя не упомянуть в данном контексте и «ритуалы перехода», в ходе которых обеспечивается «... перемещение человека от одного жизненного этапа и положения в социальном устройстве к другому. <...> Каждый переход сопровождается последовательным прохождением трех этапов, составляющих единый церемониальный цикл. Обряды отделения (прелиминарные): прощание с прошлым, очищение. Промежуточные обряды (лиминарные): старого уже нет, новое еще не наступило. Обряды включения (постлиминарные): приобщение, принятие и интеграция нового» [11, с. 99]. Нам представляется, что содержание и задачи данных этапов могут быть раскрыты через категории знакового и символического опосредствования. Так, прелиминарные обряды имеют целью разрушить имеющееся у субъекта и зафиксированное в значениях понимание себя, объективно потерявшее свою адекватность. Итог этой стадии — негативное понимание себя: «я — не...» Оно проблематизирует субъекта и ставит перед ним задачу самоопределения, которая больше не может быть решена старыми знаковыми средствами. Цель второго этапа — предложить субъекту символические средства решения возникшей проблемы. Для нас крайне важно подчеркнуть, что эти символические средства предлагаются в материальной форме и субъект может (и должен) полноценно действовать во внешнем поле предложенного символа, что активизирует ориентировку на основе символических средств и решение творческой задачи самоопределения. На наш взгляд, наполненный символами ритуал ни в коем случае не выступает *маркером* самоопределения субъекта, а является основным *средством* активизации этого процесса. Иными словами, не было бы ритуала, не было бы и нового самоопределения. Постлиминарные ритуалы фиксируют в знаковой форме найденную через символ новую идентичность.

2. Бейтсон Г. Разум и природа. Nykoping: Philosophical arkiv, 2016. 216 с.
3. Березин С.В., Исаев Д.С. Ландшафтная аналитика: опыт трансдисциплинарной психотерапии. Самара: Универс групп, 2009. 109 с.
4. Веракса А.Н. Особенности символического опосредствования в познавательной деятельности младших школьников: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2008. 164 с.
5. Веракса А.Н. Вопросы применения знакового и символического отражения в спорте // Культурно-историческая психология. 2009. № 4. С. 76–82.
6. Веракса А.Н. Символ и знак: диалектика символического познания // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 51–58.
7. Волкова Д.Э., Орлов А.Б., Орлова Н.А. Знак, метафора, символ – методология субъектности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 3 (7). С. 89–119.
8. Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1984. С. 5–90.
9. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 151 с.
10. Гальперин П.Я. Психологическое различие орудий человека и вспомогательных средств у животных и его значение // Психология как объективная наука / Под ред. А.И. Подольского. Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. 480 с.
11. Гребенюк Е.Г. Ритуал перехода и психотерапия // Консультативная психология и психотерапия. 2016. № 1 (24). С. 97–108. doi: 10.17759/cpp.20162401007
12. Ильенков Э.В. Идеальное // Консультативная психология и психотерапия. 2006. № 2. С. 17–28.
13. Калашникова Л.В. Метафора и миф. Метафорическое мышление // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 3 (1). С. 96–98.
14. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. Т. 2. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2014. 1232 с.
15. Петровский В.А. Я: конфигурации артефакта // Культурно-историческая психология. 2014. № 1. С. 63–78.
16. Петровский В.А. Психофизическая проблема: «Кто» видит мир? (Эскиз концепции опосредования) // Методология и история психологии. 2018. № 1. С. 58–83. doi: 10.7868/S1819265318010053
17. Петровский В.А., Шарага Я.И. Построение проективной методики исследования динамики мотивации самопознания при решении интеллектуальных задач // Психолого-педагогические проблемы мотивации учебной и трудовой деятельности. Тезисы докладов и выступлений на Всесоюзной научно-практической конференции в г. Новосибирске. Новосибирск, 1985. С. 45–46.
18. Петухов В.В. Общая психология. Лекция 55. Воображение и творчество [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=h_3quW63Z9Y (дата обращения: 09.05.2018).
19. Фрейд З. Введение в психоанализ. М.: Наука, 1991. 456 с.
20. Записные книжки Л.С. Выготского / Под ред. Е. Завершневой, Р. ван дер Веера. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2018. 608 с.
21. Casarett D. [и др.]. Can Metaphors and Analogies Improve Communication with Seriously Ill Patients? // Journal of Palliative Medicine. 2010. № 3(13). С. 255–260. doi: 10.1089/jpm.2009.0221
22. Havighurst R.J. Research on the Developmental-Task Concept // The School Review. 1956. № 5(64). С. 215–223. doi: 10.1086/442319
23. Voprosy psikhologii [Psychological Issues], 1987, no. 1, pp. 70–80.
24. Beitsen G. Razum i priroda [Mind and Nature]. Nykoping: Philosophical arkiv, 2016. 216 p.
25. Berezin S.V., Isaev D.S. Landshaftnaya analitika: opyt transdistsiplinarnoi psikhoterapii [Landscape Anatylics: an Experience of Transdisciplinary Psychotherapy]. Samara: Univers grupp, 2009. 109 p.
26. Veraksa A.N. Osobennosti simvolicheskogo oposredstvovaniya v poznavatel'noi deyatel'nosti mladshikh shkol'nikov. Avtoref. dis. kand. ps. n. [Features of Symbolic Mediation in Cognitive Activity of Elementary School Children. Ph. D. (Psychology) diss.]. Moscow, 2008. 164 p.
27. Veraksa A.N. Voprosy primeneniya znakovogo i simvolicheskogo otrazheniya v sporte [The Application of the Sign and Symbolic Reflection in Sports]. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology], 2009, no. 4, pp. 76–82.
28. Veraksa A.N. Simvol i znak: dialektika simvolicheskogo poznaniya [Symbol and Sign: Dialectics of Symbolic Cognition]. Voprosy filosofii [Issues of Philosophy], 2016, no. 1, pp 51–58.
29. Volkova D.E., Orlov A.B., Orlova N.A. Znak, metafora, simvol – metodologiya sub'ektnosti [The Sign, Metaphor, Symbol: the Methodology of Subjectness]. Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economy], 2010, no. 3 (7), pp. 89–119.
30. Vygotskii L.S. Sbranie sochinenii: V 6 t. T.6. [Collected works: in 6 vol. Vol. 6.] Orudie i znak v razviti rebenka [Tool and Sign in the Development of a Child]. Moscow: Pedagogika Publ., 1984, pp. 5–90.
31. Gal'perin P.Ya. Vvedenie v psikhologiyu [Introduction to Psychology]. Moscow: MGU Publ., 1976. 151 p.
32. Gal'perin P.Ya. Psikhologicheskoe razlichie orudii cheloveka i vspomogatel'nykh sredstv u zhivotnykh i ego znachenie [The Meaning of Psychological Difference between Human's Implements and Animal's Supporting Tools]. In Podol'skii A.I. (ed.) Psikhologiya kak ob'ektivnaya nauka [Psychology as an Objective Science]. Voronezh: NPO "MODEK", 1998. 480 p.
33. Grebenyuk E.G. Ritual perekhoda i psikhoterapiya [Rite of Passage and Psychotherapy]. Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2016, no. 1 (24), pp. 97–108. doi: 10.17759/cpp.20162401007
34. Il'enkov E.V. Ideal'noe [The Ideal]. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology], 2006, no. 2, pp. 17–28. (In Russ., abstr. in Engl.)
35. Kalashnikova L.V. Metafora i mif. Metaforicheskoe myshlenie [Metaphor and Mith. Metaphorical Thinking]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Theoretical and Practical Issues], 2009, no. 3 (1), pp. 96–98.
36. Mamardashvili M.K. Psikhologicheskaya topologiya puti, t.2. [Psychological Topology of the Way]. Moscow: Fond Meraba Mamardashvili, 2014. 1232 p.
37. Petrovskii V.A. Ya: konfiguratsii artefakta [Self: The Configuration of Artifact (Part One)]. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology], 2014, no. 1, pp. 63–78. (In Russ., abstr. in Engl.)
38. Petrovskii V.A. Psikhofizicheskaya problema: «Kto» vidit mir? (eski kontseptsii vzaimoposredovaniya) [A psychophysical problem: "who" sees the world? (a sketch of the concept of intermediation)]. Metodologiya i istoriya psikhologii [Methodology and History of Psychology], 2018, no. 1, pp. 58–83. doi: 10.7868/S1819265318010053
39. Petrovskii V.A., Sharaga Ya.I. Postroenie proektivnoi metodiki issledovaniya dinamiki motivatsii samopoznaniya

23. Koestler A. The Art of Creation. London: Hutchinson, 1964. 364 c.

24. Semiotic mediation: sociocultural and psychological perspectives / Под ред. E. Mertz, R.J. Parmentier. Ontario: Academic Press, 1985. 394 c. doi: 10.1016/C2009-0-21830-7

pri reshenii intellektual'nykh zadach [Dynamics of Self-Cognition Motive during Intellectual Problem Solving. Towards Developing a Projective Inventory]. *Psikhologo-pedagogicheskie problemy motivatsii uchebnoi i trudovoi deyatel'nosti. Tezisy dokladov i vystuplenii na Vsesoyuznoi nauchno-prakticheskoi konferentsii v g. Novosibirske*. Novosibirsk, 1985, pp. 45–46

18. Petukhov V.V. Obshchaya psikhologiya. Lektsiya 55. Vooobrazhenie i tvorchestvo [Lectures on General Psychology. Lecture 55. Imagination and creative activity]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=h_3quW63Z9Y (Accessed: 09.05.2018).

19. Freid Z. Vvedenie v psikhoanaliz [Introduction to Psychoanalysis]. Moscow: Nauka, 1991. 456 p.

20. Zapisnye knizhki L.S. Vygotskogo. Izbrannoe [Vygotsky's Notebooks. A selection]. E. Zavershneva, R. van der Veer (eds.). Moscow: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2018. 608 p.

21. Casarett D. et al. Can Metaphors and Analogies Improve Communication with Seriously Ill Patients? *Journal of Palliative Medicine*, 2010, no. 3 (13), pp. 255–260. doi: 10.1089/jpm.2009.0221

22. Havighurst R.J. Research on the Developmental-Task Concept. *The School Review*, 1956, no. 5 (64), pp. 215–223. doi: 10.1086/442319

23. Koestler A. The Art of Creation. London: Hutchinson, 1964, 364 p.

24. Mertz E., Parmentier R.J. (eds.) Semiotic mediation: sociocultural and psychological perspectives. Orlando: Academic Press, 1985. 394 p. doi: 10.1016/C2009-0-21830-7

Информация об авторах

Белорусец Арсений Сергеевич, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1326-4315>, e-mail: arsenny@mail.ru

Information about the authors

Belorusets Arseniy Sergeevich, PhD Student, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1326-4315>, e-mail: arsenny@mail.ru

Получена 21.11.2019

Принята в печать 03.03.2020

Received 21.11.2019

Accepted 03.03.2020